

Ричард Д. Андерсен мл.

ОБУЧЕНИЕ И ДЕМОКРАТИЯ

УДК 37.01
ББК 74.04

В статье рассматривается влияние языка на формирование демократических тенденций в обществе. Дискурсивные различия правителей и подчиненных может привести к неверной интерпретации высказываний, дискриминационному поведению и, как следствие, созданию недемократического государства. Так, демократические идеи Конфуция, Иисуса были поняты как антидемократические из-за использования архаичного языка и неточностей перевода.

Ключевые слова: дискурс, адаптация, демократия, диктатура, демократические ценности, демократическое государство, языковая идентичность.

Richard D. Anderson junior

EDUCATION AND DEMOCRACY

The article analyses how language influences the formation of democratic tendencies in society. The author argues that discursive differences of rulers and their subjects may result in the wrong interpretation of utterances, discriminatory behavior and, consequently, may lead to the creation of a non-democratic state. Thus, democratic ideas of Jesus and Confucius were understood as antidemocratic because of the use of archaic language and inaccuracies of translation.

Key words: discourse, adaptation, democracy, dictatorship, democratic values, democratic state, language identity.

Учителя играют решающую роль в том, предпочтут ли люди, облеченные политической властью в той или иной стране, прибегнуть к принужде-

нию или к выборной системе — иначе говоря, что будет доминировать: диктатура или демократия. Великий американский мыслитель и педагог Джон

Дьюи заметил, что в то время как при тоталитарном режиме в образовании нуждается лишь правящий класс, демократические страны делают его доступным для всех. Он также считал, что учителя обеспечивают процветание демократии, развивая в своих учениках «личную инициативу и способность к адаптации» [11]. Однако личная инициатива и способность к адаптации — это ценности, но не ценности имеют значение в данном случае. Учителя влияют на выбор между демократией и тоталитаризмом не через ценности, которые они стараются привить своим ученикам, а тем, как они используют язык в процессе преподавания.

Ряд простых сравнений в достаточной мере демонстрируют то, что ни инициативность человека и его адаптационная способность, прививаемая учителями или каким-либо иным способом приобретаемая учениками, ни другие ценности не мотивируют людей к свержению диктатуры и установлению демократии. Американцев, как и другие народы, осваивающие новые территории, можно считать наследниками людей, имевших исключительную личную инициативу и способность к адаптации. Требовалась личная инициатива для того, чтобы покинуть относительный комфорт и безопасность Европы, пересечь Атлантический океан на парусных судах или примитивных пароходах, проникнуть вглубь континента с населением, сильно уменьшившимся из-за болезни, причиной которой стали свиньи, привезенные испанцами в качестве живого запаса пищи, чтобы участвовать в этнической чистке той

части местного населения, которая пережила чуму, и выгнать ее в отведенные для проживания бесплодные земли и заставить жить в нищете [6]. Нужна была способность к адаптации для того, чтобы приспособиться к новым условиям и новой пище, овладеть языком, новым для тех, кто говорил на местном наречии, или выучить диалект, новый для тех, кто уже говорил на английском.

Если предположить, что необычайные инициативность и способности к адаптации и стали причиной раннего появления демократии в США, то такое предположение будет быстро опровергнуто историческими данными. Действительно, американцам требовались инициатива и способность к адаптации для заселения западной границы, но точно также эти качества требовались русским, которые примерно в это же время основали город Нижний Тагил, и британцам, которые, невзирая на опасности, добирались до берегов Северной Америки и устремлялись вглубь страны. Когда я жил на Капитолийском холме в конце семидесятых годов прошлого века, я регулярно навещал своего друга в Пенсильвании. Ведя машину по отличному шоссе, проходящему по той территории южной Пенсильвании, которая до настоящего времени остается ее голой и бесплодной частью, я представлял себе, с какими трудностями первые поселенцы и их тележки, запряженные быками, перебирались через ее крутые холмы, поросшие густым лесом. Русские испытывали те же трудности, продвигаясь на север и проходя еще большие расстояния в

еще более суровых условиях. Для заселения Урала требовалась большая инициативность и большая способность к адаптации, однако русские установили у себя демократический режим намного позднее и не настолько незыблемо. Верно, что инициатива и способность к адаптации помогают людям осознавать свои права и требовать их удовлетворения, однако эти же качества способствуют эксплуатации человека человеком. Преподаватель, который хотел бы поддерживать развитие демократии, может столкнуться с дилеммой: поощрять инициативу и способность к адаптации или же поощрять солидарность и самоконтроль.

Разграничение ценностей и демократических идей возможно и на уровне высших ценностей. Среди тех, кто называли себя учителями, есть люди непреходящего значения. Иисус, говоривший на арамейском диалекте, считавшемся просторечьем, и называвший себя иудеем, проповедовал те же самые законы морали, которые до него сформулировал *Конфуций* 孔子 — скромный родственник правителя государства, возникшего вдоль Желтой реки, и комментатор ритуалов, которые уже при его жизни за пять веков до появления Христа были древними. Учение Христа продолжают изучать во всем мире. Учение Конфуция изучают не только в Китае, но также в Корее, Японии и Вьетнаме уже более двух с половиной тысячелетий и, несмотря на приход к власти коммунистов, его уроки продолжают влиять на поведение такого количества людей, которое равно числу современных христиан. Иисус учил

оценивать наши действия с точки зрения других людей, т. е. поступать с ними так, как мы бы хотели, чтобы они поступали с нами. Конфуций учил не причинять другим то, чего мы бы не хотели испытать сами. Люди, которые нарушают любой из этих принципов, предполагая превосходство европейского мышления над мышлением других народов (хотели бы они, чтобы другие народы утверждали свое превосходство над ними?), называют учение Христа «Золотым правилом» и преуменьшают значение учения Конфуция, называя его всего лишь «Серебряным правилом». В качестве обоснования этого они упоминают использование Конфуцием китайской отрицательной частицы, которая переводится на английский язык как «не» и предполагает возможность индифферентного отношения к тому, что Иисус, по-видимому, запрещал — (хотели бы мы, чтобы к нам относились индифферентно?) [5]. Однако в китайском оригинале частица «не» встроена в номинативное словосочетание (обозначенного предшествующим словом *suo* 所 place «место», используемого как грамматический маркер), которое должно пониматься как указание на существование чего-либо: 己所不欲 *ji suo bu yu* «сам место не нравится» означает: «то, что человеку не нравится самому». Затем следует остальная часть предложения, начинающаяся не с *bu*, но с запретительной частицы *wu* 勿 *don't*: 勿施於人 *wu shi yu ren* «не делай по отношению к другим». Если каждому из нас не нравится индифферентное отношение к нам окружающих, выводы из фор-

мулировки Конфуция идентичны тем, которые проповедовал Иисус.

Все это — идеи равенства, которые находят отражение в обосновании демократии в политике. Томасу Джефферсону принадлежит знаменитое высказывание о том, что «все люди созданы равными, ... наделенными Создателем определенными неотторжимыми правами». Как любое другое английское существительное, слово *right* (право) является свернутым словосочетанием *what is right* (то, что правильно). Предикатив в относительном придаточном относится к визуальному восприятию. Хотя в настоящее время это слово употребляется в значении «относящееся к доминирующей стороне большинства людей», его первоначальное значение, которое сегодня можно выразить словом *straight* (прямо, прямой), сохраняется в слове *right* в определенных контекстах: *go right ahead* (иди прямо, не сворачивай) не означает *иди направо*. Будучи предикативом восприятия, *what is right* может означать только «то, что люди воспринимают как правильное». Как и в китайском языке, английские *straight* и *right* используются как метафоры для обозначения поведения, уважаемого другими людьми: *be straight with me* (будь честным со мной), *do right by me* (поступай правильно по отношению ко мне). Таким образом, утверждение, что определенные права невозможно отнять ни у кого, т. е. они являются неотторжимыми — это речевой акт, заставляющий всех нас уважать в других то, что каждый из нас хотел бы считать заслуживающим уважения в нас самих. Однако даже хотя Иисус

и Конфуций проповедовали уважение прав других, никто из них не был воспринят как проповедник демократии. Действительно, они оба учили принципам, которые были поняты как антидемократичные. Высказывания Конфуция, собранные в *Lunyu*, полны не демократичных предписаний. *Lunyu 8.14: bu zai qi wei bu mou qi zheng* 不在其位不謀其政 «не в свой место не план свой правление» является, как объясняет один из учеников Конфуция в *Lunyu 14.26*, предписанием ограничивать даже свои мысли кругом своих служебных обязанностей. Так как большинство людей даже из клана правителя не могут занимать официальные должности, им вообще запрещается размышлять о системе правления. Еще цитата из *Lunyu 8.9: min ke shi you zhi bu ke shi zhi zhi* 民可使由之不可使知之 «люди мочь делать следовать это не мочь делать знать это». Поскольку люди не могут понять, чем руководствуется правитель, они могут только слепо подчиняться ему. Если люди не могут понять решения, которые должен принять правитель, и если люди, занимающие посты — *da fu* 大夫 (большой человек), вмешиваются в решение проблем, находящихся за пределами их обязанностей, и тем самым наверняка разрушают государство, *Lunyu 16.2* делает вывод, что *天下有道 tian xia you dao* (небо под существовать путь) *政不在大夫 zheng bu zai da fu* (править не в большой человек) *庶人不議 shu ren bu yi* (многочисленный человек не обсуждать). В хорошем государстве, таком, где *dao* (путь) превалирует, служащие ограничивают себя своими обязанностями

ми и не вмешиваются в дела высшего порядка, в результате чего те, кто не имеет тот или иной пост, никогда не говорят о политике.

Высказыванием Христа, которое наиболее часто оценивается как самая недемократичная идея его учения, является его знаменитое «Кесарю кесарево, а Богу богово» (Марк 12:17) [8]. Подобно любому высказыванию, это перформатив: упоминание Кесаря подтверждает, что существует кто-то, кто является Кесарем (в данном случае это Тиберий). Исходя из того, кем является Кесарь, это утверждение констатирует существование недемократичного правителя; предписание платить ему дань означает, что люди имеют обязательства даже перед недемократичным правителем. Действительно, современный катехизис, устанавливая правила поведения католиков в США, продолжает интерпретировать четвертую заповедь (Чти отца своего и мать) как следующее предписание: «Подчиненные должны считать людей, облеченных властью, представителями Бога, который сделал их распорядителями своих даров», даже если это высказывание в настоящее время уравнивается другими, которые учат католиков критиковать и даже противостоять властям, если их распоряжения противоречат божественной воле [12]. Сам апостол Павел сделал недвусмысленный вывод из того, что он слышал об учении Христа, а именно о подчинении власти независимо от того, справедливая она или нет: «Рабы, подчиняйтесь вашему человеческому хозяевам во всем, не только, когда за вами наблюдают, и когда ожидаете наград, но

и в простоте сердца своего, страшась Бога» [2].

Таким образом, перед нами как бы парадоксальная ситуация: два учителя непреходящего значения учат явным демократичным ценностям уважения к другим, и одновременно их учения можно истолковать как проповеди фундаментально недемократичных ценностей. Разрешение этого парадокса, конечно же, лежит в признании того факта, что оба, и Иисус и Конфуций, были по существу проповедниками взаимного уважения и равенства, которые являются демократическими принципами, и также того, что их высказывания, воспринятые как одобрение диктатуры, были неправильно поняты.

Если мы пересмотрим высказывание Иисуса «Кесарю кесарево, а Богу богово», мы сразу же поймем его провокационное послание: существует что-то, что не принадлежит Кесарю! В государстве, где Кесарь имеет неограниченную власть, это высказывание опсиривает его право на правление. То, чем он не владеет, есть то, что принадлежит Богу. Если то, что принадлежит Богу, это наша обязанность относится к другим так, как бы мы хотели, чтобы относились к нам, тогда они и мы хотели бы, чтобы мы все защищали друг друга от угрозы со стороны Кесаря. А это, конечно же, цель демократического государства: защищать нас от диктатора, устраняя диктатуру. Такой же провокационной интерпретации могут быть подвергнуты якобы недемократичные высказывания Конфуция. Если подлинно демократические принципы влияние на политику и свобода слова не имеют

место всегда там, где «путь» превалирует «под небом», тогда сущностью «пути» является сдерживание капризов диктатора, которые иначе вызвали бы недовольство, ведущее к протесту, цель которого изменение политики. И действительно, такое прочтение принадлежит величайшему древнему интерпретатору Конфуция *Meng zi* 孟子.

Что трансформировало «путь», который ограничивал власть, в лицензию на деспотизм? Что превратило разрушительный принцип в имперскую доктрину? Иисуса и Конфуция также объединяет то, что их высказывания были прочитаны на языке, который отличался от языка, на котором они говорили. Иисус говорил на западно-арамейском просторечье, но его учение было записано на греческом *койне*, языке, известном как «простой, общий» не потому, что он был языком простых людей, а потому, что он был общим для различных государств, завоеванных Александром и поделенных между собой его наследниками [3]. Конфуций говорил на древнем китайском, и ученики, которые записывали его дискуссии в *Lunyu*, использовали написание, изобретенное для этого языка. Более чем пять веков спустя, однако, записи его высказываний были вновь скопированы и распространены на древнем китайском языке [9]. Обычные лингвистические изменения преобразовали правила чтения, синтаксис и значение древних иероглифов и в результате язык тех, кто теперь трактовал новый текст, был уже не тот, на котором говорил Конфуций. Его послания стали туманными, не совсем понятными для современных китайцев,

и эта неясность постепенно увеличивалась за те более чем два тысячелетия, когда его высказывания были обязательными для изучения и заучивания для тех, кто стремился получить официальный пост.

Языки, использованные для записи высказываний Иисуса и диалогов Конфуция, были, в свою очередь, дискурсами правителей в государствах, населенных теми, кто сталкивался с их текстами. Римские правители всегда были билингвами. Биограф римских императоров Светоний позднее писал, что император Клавдий упоминал латинский и греческий языки как *utroque sermone nostro* «оба наших языка», и практика использования греческого может быть прослежена до Римской Республики, когда появился грамматист Кратес в 159 году до нашей эры [4]. Знание греческого отличало правителей от тех, кем они правили. Точно так же, когда знание наизусть диалогов Конфуция превратилось в требование для назначения на государственную службу в династическом Китае, знание классического китайского языка стало знаком отличия тех, кто правил, от тех, кем управляли. Когда высказывания, приписываемые Иисусу и Конфуцию, были записаны на языках, которые использовали только те, кто правил, естественно, что последние интерпретировали эти высказывания как обязывавшие остальных людей подчиняться им. Иное прочтение заставило бы правителей пересмотреть их собственные притязания на правление.

Языки в свою очередь содержат указания, на основе которых люди конструируют свои идентичность.

Записывая высказывания Иисуса и Конфуция на языках, неиспользуемых большинством людей, их адепты испытывали воздействие лингвистического материала, который отличал их идентичность от идентичности остальных людей. То, что позволяет людям отличать свою группу от других групп, вылилось в такие печально известные противоположные друг другу явления как «внутригрупповой фаворитизм» и «внегрупповое презрение».

В результате десятков независимых исследований, проведенных в нескольких странах, с вовлечением в эксперимент широкого диапазона участников мужского и женского пола выявлен один и тот же фундаментальный факт; при этом распределение людей по произвольно выделенным социальным категориям уже достаточно для того, чтобы выявились предвзятые суждения и дискриминационное поведение [1].

Поскольку разные языки производят на свет личности, мотивирующие людей к дискриминационному поведению относительно носителей иной идентичности, существование языка правителей создает недемократическое государство. Насколько недемократическим станет государство, зависит от степени различий между языками тех, кто правит, и тех, кем управляют. Даже там, где дискурс правителя принадлежит к тому же самому общенародному языку, который он сам использует, эти различия могут быть весьма ощутимыми. Это наблюдение может быть сделано и о варианте русского языка, используемого в советское время. В 1982 году, в последний год жизни Л. И. Брежнева,

была разрешена публикация анализа русского языка, используемого в официальном общении. Автор публикации А. Н. Васильева была специалистом в преподавании русского языка иностранцам; этот вид деятельности строго контролировался советскими властями и к нему допускали только людей, считавшиеся лояльными режиму. Васильева писала: «сложные, тяжеловесные структуры официального русского языка естественно не предполагаются к воспроизведению в межличностных разговорах, и особенно в устной форме — на таком языке люди не говорят» [10].

Здесь-то и проявляется вклад учителей в дело обеспечения доминирования или диктатуры, или демократии. Языку, на котором люди действительно говорят, их не учат. Родители, братья и сестры, дети одного с ним возраста не учат ребенка языку: ребенок сам конструирует свой язык как результат того, что он слышит от окружающих его людей. Если бы это было не так, было бы невозможно объяснить способность детей конструировать их собственные предложения, в которых соблюдаются грамматические закономерности, несмотря на то, что они никогда не слышали эти предложения. С другой стороны, язык, на котором «люди не говорят» может существовать, только если ему учить. Архаичный греческий язык правящего класса, *койне*, на котором, в конце концов, были записаны христианские тексты, мог существовать только в том случае, если ученые научились читать старые греческие тексты и обучали студентов методам их конструирования. Архаичный китайский язык

текстов Конфуция мог быть понятым только в том случае, если учителя продолжали обучать своих учеников методам, которые они использовали, чтобы читать их. Советские чиновники могли научиться конструировать «сложные предложения» русского официоза только в том случае, если использование их учителями во время партучебы приводило учащихся к мысли, что такой дискурс пригоден для самовыражения. Если учитель хочет жить в демократическом обществе, он дол-

жен учить своих учеников ценить тот язык, на котором они действительно говорят, а не какой-то идеальный, уже не используемый язык прошлого, который ошибочно считается более совершенным. Значение имеют не ценности, прививаемые учителем; значение имеет отношение к использованию языка, которое учащиеся перенимают у своего учителя.

Перевела на русский язык

Н. К. Филонова,

профессор кафедры английской филологии НТГСПА

Список литературы

1. Brewer, Marilyn B., and Rupert J. Brown, «Intergroup Relations», in Daniel T. Gilbert, Susan T. Fiske, and Gardner Lindzey, eds., *The Handbook of Social Psychology Vol. II.* — Boston : McGraw-Hill, 1998. — 566 s. — S. 559.

2. Colossians 3:22 at <http://www.usccb.org/nab/bible/colossians/colossians3.htm>, accessed 23 February 2010.

3. Geoffrey Horrocks, *Greek: A History of the Language and Its Speakers.* — New York : Addison Wesley Longman, 1997. — S. 88–90.

4. Horrocks, 126; John Earl Joseph, *Eloquence and Power: The Rise of Language Standards and Standard Languages.* — London : Pinter, 1987. — S. 69–70.

5. Lunyu 12.2; for the text, a translation by Christoph Harbsmeier of all quotations used here, and the definition of buyu, <http://tls.uni-hd.de>, accessed 23 February 2010.

6. On the devastating effect of the herds of pigs following early Spanish expeditions in North America, see the brilliant synthesis by Charles C. Mann, 1491: *New Revelations of the Americas before Columbus.* — New York : Alfred A. Knopf, 2005. — S. 98–100.

7. “Squire Kong”, a reference to a social rank, is the translation suggested by Robert Gassman, personal communication, in preference to the usual “Master Kong”, a reference to the relationship between the teacher and his disciples. On his low rank, see Gassman, “Through the Han-Glass Darkly: On Han-Dynasty Knowledge of the Ancient Chinese Term shi ‘Gentleman’”, *Monumenta Serica* 51 (2003). — S. 527–542.

8. This is the Catholic translation into English available at <http://www.usccb.org/nab/bible/mark/mark12.htm>, accessed 23 February 2010.

9. This process is described in Edward Shaughnessy, *Rewriting Early Chinese Texts* (Albany, N. Y.: State University of New York, 2006). See also John Makeham, “On the Formation of Lun yu as a Book”, *Monumenta Serica* 44 (1996). — S. 1–25.

10. Vasil’eva, A. N. *Gazetno-publitsicheskii stil’ rechi* / A. N. Vasil’eva. — Moscow : Izdatel’stvo “Russkii Iazyk”, 1982. — S. 5.

11. http://en.wikisource.org/wiki/Democracy_and_Education/Section_7, accessed 23 February 2010. It is ironically suitable to write this paper on Red Army Day.

12. <http://www.usccb.org/catechism/text/>, accessed 23 February 2010.